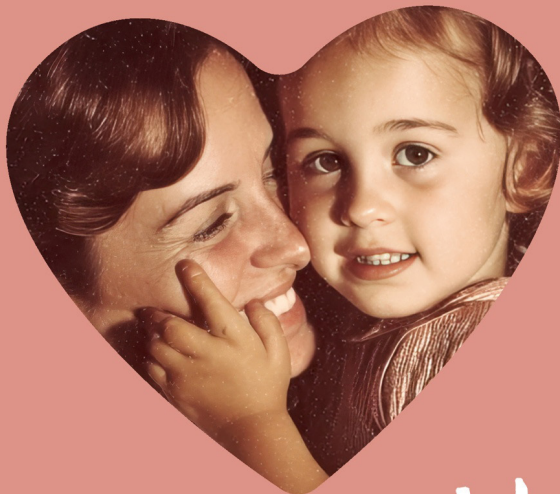

Бланка Лакаса Карралон

Ужасные дочери

18+

Бланка Лакаса Карралон
Ужасные дочери
Серия «Популярная психология
для бизнеса и жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73978817

Ужасные дочери: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-32984-3

Аннотация

Почему связь между матерью и дочерью считается самой сложной и противоречивой в нашей культуре? Откуда берется чувство вины, вечного долга и невысказанного гнева, которое знакомо тысячам женщин по всему миру?

Журналистка Бланка Лакаса Карралон, вдохновленная шокирующим сходством собственного опыта с историями подруг, решила нарушить главное семейное табу – закон молчания.

«Ужасные дочери» – это не просто сборник личных свидетельств. Это глубокое исследование механизмов, превращающих любовь в зависимость, а заботу – в пожизненное обязательство. Опираясь на интервью с психологами, социологами и историками, а также на примеры из мирового кинематографа и литературы, Карралон препарирует мифы о «святом материнстве» и показывает, как культура создает ярлыки «плохой дочери» и «токсичной матери».

Эта книга – попытка выйти из порочного круга обвинений и социальных ожиданий, увидеть за фигурой матери обычную женщину и, наконец, обрести право на собственную, отдельную жизнь.

Содержание

Намерения	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Бланка Лакаса Карралон

Ужасные дочери

Моей матери, несмотря ни на что.

Моим сестрам, разделившим со мной этот путь

Blanca Lacasa Carralón
«Las hijas horribles»

This book was originally published in Spanish by Libros del KO SLL. This edition published by arrangement with Oh!Books Literary Agency and Synopsis Literary Agency.

© Blanca Lacasa Carralón, 2024

© Шарафеева А. М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Колибри®

Намерения

Когда я прочла «Жестокие привязанности» Вивиан Горник¹ [1], то была потрясена вопиющим сходством описанной там матери с моей собственной. И матерями моих подруг и других знакомых женщин. Одинаковые фразы, одни и те же ситуации, до мелочей схожие разногласия и странная, липкая, до тревоги знакомая боль. Как такое возможно? Как так вышло, что жительница Нью-Йорка, женщина на несколько десятков лет старше меня, еврейка, писательница, с которой меня объединяет лишь профессия, рассказала не только историю моих отношений с мамой, но и историю таких отношений всех женщин моего круга?

Как-то вечером, вскоре после прочтения книги, я встрети­лась с двумя почти незнакомыми мне женщинами. В какой-то момент разговор зашел о матерях. Мы едва друг друга знали, и все же, как только всплыла ТА САМАЯ ТЕМА, казалось, все это время мы только и ждали предлога, чтобы поговорить о том, что уже давно нас беспокоило. Сначала, как я потом замечала, в наших голосах сквозили вина, нерешительность и стыд. Но как только барьер был сломлен, нас уже

¹ Американская феминистка, критик, журналистка. В мемуарах «Жестокие привязанности» Горник рассказывает о том, как на протяжении всей жизни боролась со своей матерью за свободу. – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

было не остановить. Потребность разделить с другими горе, вину, угрызения совести и вечный долг оказалась клеем, который был сильнее любого стыда. Появилось непреодолимое желание обнародовать тайну – нарушить закон молчания, так строго соблюдаемый в институте семьи.

Несколько лет спустя я встретила одну из своих лучших подруг времен моего одинокого детства. Мы не виделись несколько десятилетий. Целую жизнь. И тем не менее три четверти нашей беседы – после той ненавистной мне части, когда нужно вкратце рассказать о том, что за эти годы произошло в твоей жизни, – вращались вокруг наших матерей. «Как это возможно?» – удивленно спрашивала меня подруга. Мы обе были уверены, что в случае мужчин подобного не происходило или, по крайней мере, случалось не так часто. Хотя, как ни странно, у некоторых мужчин, с кем я общалась, пока писала эту книгу, отношения с матерями были похожи на те, что будут описаны на следующих страницах. Но, кажется, мне удалось обнаружить один важный отличительный нюанс: в рассказах сыновей материнское поведение и правда в какой-то степени похоже на то, с чем сталкивались некоторые из опрошенных мною дочерей, но реакция мужчин в таких случаях сильно отличалась от нашей. Они по-другому проживали этот опыт, более отстраненно и менее напряженно. Словно чувствовали: определенные материнские требования не были адресованы исключительно им. Словно имели больше свободы и возможностей уклониться

от чрезмерных требований, больше свободы для демонстрации гнева. Или словно (да ладно!) они не были воспитаны в рамках традиции, где забота является сугубо женским делом.

В один дождливый день я сидела в гостях у подруги, и мы с изумлением наблюдали, как в реалити-шоу Тамары Фалько², и без того обескураживающем, невозмутимая Изабель Прейслер демонстрировала весь набор упреков, который матери обычно адресуют своим детям. Изабель вскидывала бровь, не скрывая свое недоверие в отношении планов своей сорокалетней *девочки*, в обманчиво-шутливом тоне ТРЕБОВАЛА, чтобы дочь вернулась домой С НЕЙ, и спокойно наблюдала, как Фалько отчаянно (с едва скрываемым страхом) добивалась мифического одобрения матери, которой явно невозможно угодить. И это поистине жалкое зрелище, потому что со стороны прекрасно видно, какую хитрую игру ведет Прейслер.

Длинные, расплзающиеся повсюду тени. Во многих случаях фигура матери в отношениях с дочерью являет собой мучительную загадку, которую приходится разгадывать. Что за странные силы подпитывают это неразрешимое напряжение, царящее в совершенно разных семьях? Неужели все матери одинаковы? А мы, дочери, тоже похожи между собой?

² Испанская аристократка, светская львица и телеведущая. Дочь Карлоса Фалько, пятого маркиза де Гриньона, и Изабель Прейслер (первой жены Хулио Иглесиаса и матери Энрике Иглесиаса).

Почему отцовская фигура, зачастую *отсутствующая* в жизни ребенка, тем не менее свободнее в своих рамках, размытее, гораздо разнообразнее, не так регламентирована и, что самое главное, не вызывает столько травм и тревоги?

Почему связь между матерью и дочерью считается самой сложной из всех существующих в нашем патриархальном обществе? Это не простая случайность, нет. И уж тем более не случайно возникновение архетипа невротичной матери, созданной на конвейере, вместе с ее проблемной дочерью, вероятно, также выпускаемой серийно. Или это все же простое совпадение? Возможно, стоит выяснить по крайней мере некоторые причины существования целой армии матерей и дочерей, удивительным образом схожих по природным, историческим, социологическим, антропологическим, культурным, психологическим и любым другим признакам. Именно эти факторы и формируют умы, тела и все остальное в пользу идеально отлаженного механизма, который, кажется, не подвержен запрограммированному износу.

Потому что из болезненного, вызывающего клаустрофобию стереотипа плохой матери рождается не менее парализующий и негативный стереотип ужасной дочери. Конструкты, продолжающие работать без перебоя благодаря закону молчания, основанному на чувстве вины. Если женщина, признающая, что не была в полной мере готова к материнству, испытывает страх (именно об этом социолог и писатель Орна Донат рассказывает в своей книге «Сожалея о

материнстве» [2] – ужасающее описание не столь желанного, долгожданного или, по крайней мере, не совсем обдуманного материнства), то еще хуже – девочке, чувствующей себя плохой дочерью. Дочерью неблагодарной, недобросовестной, непризнательной. Эгоистичной, забывчивой и безжалостной. Дочерью, которая разочаровывает, обманывает и причиняет боль. Дочерью-бунтаркой.

Нам запрещено сомневаться в матерях. Наш долг и спасение – уважать их, идеализировать и всегда за все благодарить. Следовательно, как мы можем решиться и высказать вслух свое недовольство? Как мы только смеем общаться на эту тему *sotto voce*³ с самыми близкими подругами? Как мы только решаемся прошептать на терапии, что да, возможно, у нас есть проблемы с матерью? Как мы осмеливаемся нарушить навязанное молчание, то самое, которое заставляло их, наших матерей, замалчивать болезненные домашние ситуации? Как можно нарушать божественную заповедь, говорящую о почитании своих родителей?

Невероятной силы гнев, который некоторые из нас, дочерей, держат в себе, никуда не уходит. Произвольная злость, которая в то же время может быть вполне обоснованной. Невозможный для поддержания баланс, не позволяющий решить проблему. Этот гнев, как и всякий другой, абсолютно неэффективен, парализует и выбивает из колеи. И более того, в данном конкретном случае он опутывает нас, дур-

³ Тихо, вполголоса (*итал.*).

манит, из-за чего мы оказываемся в незавидном положении женщины, которая ощущает себя лишь разгневанной дочерью, обремененной ответственностью и чувством вины. Мы должны решить, что делать с этим неизбежным наследием и гигантской тенью, проецируемой на нашу жизнь. Должны понять, как с ней взаимодействовать.

Недаром это удивительное хитросплетение является одной из самых распространенных причин обращения к психологу. Эта глубокая рана настолько социально стигматизирована, что для многих женщин до сих пор остается нерушимым табу. Табу, свойственным слишком многим из нас, что, в свою очередь, обеспечивает его процветание. Нет ничего эффективнее, чем замалчивание: именно из-за него мы находимся в полной уверенности, что подобные вещи происходят лишь с нами. А раз это так, значит, мы странные, неидеальные и дефектные, и нам необходимо держать все свои чувства в секрете как от близких, так и от незнакомцев. Ничто не сковывает так, как необходимость хранить тайну для дальнейшей подпитки бесполезного гнева, ничто не создает такого ощущения, что проблема сугубо индивидуальна и принадлежит лишь нам или нашим матерям. Но она никогда, ни в коем случае не является проблемой системы, той самой, что подготовила благоприятную почву для ее взращивания и поддерживает данный порядок на протяжении десятилетий. Удивительно, что хоть некоторые тезисы философа Симоны де Бовуар, к счастью, на сегодняшний день устаре-

ли, но тревога, лежащая в основе отношений матери и дочери, все-таки не так сильно отличается от описанного в книге «Второй пол» [3].

Система настолько деконтекстуализировала материнство, что превратила его в божественную миссию, а значит, в миссию неосуществимую. Словно матери – высшие существа, чуждые всему, что их окружает. При таком раскладе сложно не развить целый комплекс проблем – от чувства вины до разочарования, через страх, гнев, обиду, неумолимую требовательность к себе и всевозможные нездоровые привязанности. Последствия этих явлений, как мы увидим на протяжении всей книги, особенно сильно отражаются на дочерях. Впрочем, как уже было сказано выше, подобная динамика характерна и для многих других семейных отношений, и об этом не стоит забывать. Не составит особого труда отыскать схожие модели поведения между отцами и сыновьями и особенно между сыновьями и матерями. Примером этого может послужить опустошающая книга «Мама» Луиса Антонио де Вильены [4], являющая собой своего рода восторженную молитву к умершей матери. Сам автор определяет книгу как «тяжелое воспоминание о ни с чем не сравнимой ужасной любви, которая оставила – и продолжает оставлять – след на всей моей жизни»⁴. Да, на следующих страницах мы сконцентрируемся на отношениях матерей и дочерей, но наверняка найдутся те, кто увидит в них отражение собственного

⁴ Здесь и далее перевод Анны Шарафеевой, если не сказано иное.

опыта, пусть даже он и не вписывается в эту бинарную структуру. Такие прочтения приветствуются. Приветствуются все без исключения.

Тем не менее нельзя отрицать, что фигуры матери и дочери окутаны каким-то странным фанатизмом, диктующим, какими они должны быть, что должны из себя представлять и как должна развиваться их связь. Иконография, с блеском разработанная мужчинами для женщин и прекрасно подкрепляемая, как мы увидим далее, такими непревзойденными средствами, как кинематограф.

Этому стереотипному видению противостоит вербальная история – наша. И эта книга была написана в попытке преобразовать устную традицию в письменную посредством слушания, наблюдения и отслеживания невидимых нитей, связывающих вместе все эти истории. В дополнение к устной истории на следующих страницах собраны свидетельства некоторых дочерей. Все они анонимны (имена были изменены, любые чрезмерно личные или конкретные детали – опущены), что позволяет усилить дух архетипа, лежащего в основе каждого из этих голосов. Разве не правильнее было бы поговорить с нами, дочерьми, и попытаться прояснить эту неразбериху? Дать нам шанс выговориться? Не эффективнее ли для исследования обратиться к самому источнику? Дать пространство, в котором мы так часто себе отказывали из-за страха, стыда или вины? Разве не смело рассказать обо всем в безопасной обстановке, где никто не будет тебя осуждать?

В этой книге есть дочери, которые поделились тем, что знают лишь их психологи; дочери, которые плакали, вспоминая или рассказывая свои истории вслух; дочери, которые почти впервые осмелились озвучить то, что в какой-то момент стало для них мучительно неприятно. И все же они проявили эту храбрость. Каждая поделилась собственной историей. Разной в деталях, происхождении, микроконтекстах, поколениях. Но, как ни странно, во всех этих свидетельствах повторялись одни и те же фразы, одни и те же идеи и эмоции. Почти взаимозаменяемые. Пугающе взаимозаменяемые.

И вновь мы сталкиваемся с подозрительным параллелизмом. К счастью, будет много, очень много дочерей и матерей, которые избегнут этого паттерна, упрощенного и обобщенного, как и любая другая схема. Я не пытаюсь привести все к общему знаменателю (даже если он и существует) или создать окончательную определяющую типологию того, как работает привязанность между матерями и дочерьми. Я просто пытаюсь показать, откуда берутся все эти повсеместно распространенные закономерности, эти обобщенные модели поведения. Только через понимание утихает боль и появляется возможность примирения. И вероятно, если перестанем бороться друг с другом и объединим силы для решения системной проблемы, мы сможем избежать бесплодного противостояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.